

Глава 3 СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД - ОБЩЕНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Общая характеристика уровня системной методологии науки

Среди общенаучных принципов познания мира, выходящих за рамки построения картины действительности в конкретных дисциплинах, в том числе и в разных областях человекознания, все большее значение приобретает системный подход. Он как средство познания многокачественных целостных явлений природы и общества надежно зарекомендовал себя во многих науках. К нему обращаются исследователи, когда возникает задача построения теории "системного объекта", синтеза различных знаний об объекте, разработки новых принципов подхода к объекту изучения, выражающих общее стремление исследователей к созданию целостной картины этого объекта. По своему месту в иерархии уровней методологии науки системный подход выступает как связующее звено между философской методологией и методологией специальных наук.

Подобное положение в иерархии уровней методологии науки в значительной степени определяет характер системного подхода, представления об истории его становления и те задачи, которые выдвигаются при разработке системного подхода к изучению природы и общества. Ведущие представители системного подхода в отечественной науке (И.В. Блауберг, Д.М. Гвишиани, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, В.Н. Садовский, А.И. Уемов, И.Т. Фролов, Э.Г. Юдин и др.) подчеркивают, что фундаментом системного подхода выступает методология диалектического и исторического материализма. Органическая включенность системного общенаучного подхода в контекст марксистской философии определяет мировоззренческую и научную ориентацию системных исследований в отечественной науке. Важным этапом в развитии системного подхода стала общая теория систем известного австрийского биолога Людвиг фон Бергаланфи, а также различные системные исследования в контексте кибернетики и теории информации (Р.Л. Акофф, М.К. Мессарович, А. Раппопорт, У.Р. Эшби и др.).

Отличительная черта системного подхода в отечественной науке состоит в том, что объектом системного анализа прежде всего являются развивающиеся системы. Отсюда на первый план выходят вопросы об основаниях и детерминантах развития систем, их самоорганизации, о необходимости образования систем в процессе развития природы и общества. Своими истоками методология системного подхода восходит к принципу системности, широко используемому К. Марксом при выявлении конкретных системных закономерностей развития общества.

"Исторически исходным пунктом научно обоснованных системных представлений о мире стали теории К. Маркса и Ч. Дарвина, раскрывшие коренные закономерности строения и развития общественных и биологических макросистем. Оба эти великие учения выступали, с одной стороны, как теории исторического развития в природе и обществе, с другой стороны, как теории функционирования систем. Одна сторона (историческая) становилась здесь alter ego другой (системной), и наоборот. Так, материалистическое понимание истории свое осуществление и завершение находило в теории общественно-экономических формаций (систем). Аналогично происхождение видов путем естественного отбора у Ч. Дарвина своей опорной базой имело главную биогенетическую систему - вид животных, и без нее историческая эволюция органического мира была бы практически необъяснимой.

Все это заставило по-новому осмыслить проблему природы системных объектов, специфики системных оснований и исторического развития как системного развития"¹.

В 40-х гг. XX в. системный подход, прежде всего под влиянием общей теории систем Л. фон Берталанфи, выделился как особого рода метатеория, стал общенаучной методологией познания специальных дисциплин. Понятие "система" определяется как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство (В. Н. Садовский).

В качестве общих характеристик "системы" в самых различных системных исследованиях фигурируют следующие:

1. Целостность - несводимость любой системы к сумме образующих ее частей и невыводимость из какой-либо части системы ее свойств как целого;

2. Структурность - связи и отношения элементов системы упорядочиваются в некоторую структуру, которая и определяет поведение системы в целом;

3. Взаимосвязь системы со средой, которая может иметь "закрытый" (не изменяющий среду и систему) или "открытый" (преобразующий среду и систему) характер;

4. Иерархичность - каждый компонент системы может рассматриваться как система, в которую входит другая система, т.е. каждый компонент системы может быть одновременно и элементом (подсистемой) данной системы, и сам включать в себя другую систему;

5. Множественность описания - каждая система, являясь сложным объектом, в принципе не может быть сведена только к какой-то одной картине, одному отображению, что предполагает для полного описания системы сосуществования множества разных ее отображений.

Наряду с этими общими характеристиками любой системы выделяется и ряд более специфичных характеристик, например целеустремленность сложных технических, живых и социальных систем, их самоорганизация, т.е. способность менять свою собственную структуру, и т.п.² Однако приведенные выше параметры систем принимаются представителями самых разных направлений системных исследований.

В своем развитии системный подход не только изменяет стратегию исследований специальных дисциплин, но и сам развивается с опорой на те или иные фундаментальные исследования в биологии, экономике, социологии и психологии. Для иллюстрации этого положения достаточно упомянуть, что общая теория систем первоначально вычленилась из биологии.

Вместе с тем жизнь многих системных идей в "теле" той или иной специальной дисциплины нередко оказывается одной из причин невосприимчивости исследователей к системной методологии науки. Так, необходимость обращения к системной стратегии изучения психических явлений иногда воспринимается как излишняя модная добавка к их и без того трудной работе. И дело здесь заключается в том, что многие общие положения системного подхода вовсе не являются для психологии откровением. Они уже давно найдены и вписались в различные конкретные психологические концепции. Например, в борьбе гештальтпсихологов с представителями ассоциативной атомарной психологии и бихевиоризма выкристаллизовалась идея о психических явлениях как целостностях, в контексте которых части неразрывно связываются друг с другом и приобретают новые, ранее им не присущие свойства (М. Вертхаймер). Для "молярных" концепций поведения в необихевиоризме характерна идея о конечном результате, объективной цели поведения человека и животных, превращающей поведение в целостное образование (Э. Толмен). Непосредственно выражает в конкретных психологических исследованиях ориентацию системного подхода принцип анализа психики "по единицам", т.е. анализ, сохраняющий свойства явлений как целого (Л. С. Выготский), положение об установке как целостной модификации личности (Д. Н. Узнадзе), единицах анализа целенаправленной деятельности как своего рода подсистем (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) и т.п.

С особой отчетливостью системные идеи выступили в различных концепциях личности. Начиная с 20-х гг. термин "система" прочно обосновался в психологии

личности и с тех пор не покидал ее никогда. Большинство исследователей личности солидаризировались в том, что адекватное понимание личности может быть достигнуто только при изучении человека как целостности. Трудно также отыскать таких представителей психологии личности, которые были бы полностью равнодушны к изучению вопроса о взаимодействии индивида с внешней средой. В целом ряде подходов к исследованию личности, прежде всего в психоанализе З. Фрейда, было выдвинуто положение об иерархической уровневой структуре личности. Организмические концепции личности (например, концепция известного невролога и психолога К. Гольдштейна) пытались обосновать тезис о саморазвитии личности, целостного организма как системы еще в начале 30-х гг. XX в.

В известном смысле разработка проблемы личности в психологии всегда имела позитивную направленность, выступая как антитеза "атомизма", раздробленности человека на отдельные кирпичики, "элементы" в традиционной психологии познавательных процессов. После появления в 40-х гг. общей теории систем Л. фон Берталанфи тенденция к системному рассмотрению человека в психологии личности стала более выраженной. Один из ведущих исследователей в психологии личности Гордон Оллпорт озаглавливает одну из своих работ "Открытая система в теории личности" (1960), где рассматривает личность как открытую, взаимодействующую с действительностью систему, тем самым подчеркивая коренное отличие своего понимания системы от концепции К. Гольдштейна, который исходил из идеи относительно автономного развития организма, его "закрытости" в контактах с внешней средой. Акцент, который ставит Г. Оллпорт в названии своей статьи на открытом характере личности как системы, символичен, так как иллюстрирует тот факт, что за самим термином "система" в психологии личности часто стоят радикально отличающиеся по содержанию, методам и философской методологии построения. Если пропустить через воображаемый фильтр, настроенный на термин "система" и его формальные параметры ("целостность", "структурность", "взаимодействие со средой", "иерархичность", "саморазвитие"), тексты различных известных исследователей по психологии личности, то в одном ряду оказались бы такие непохожие друг на друга концепции, как психоанализ, организмические теории, динамическая концепция личности Курта Левина, персонология Генри Мюррея, теория самоактуализации личности А. Маслоу, персоналистская концепция личности Г. Оллпорта и т.п. Общей чертой этих концепций является стремление представить личность как целостный объект, рассмотрение личности как системы. На признании этого положения сходство большинства психологических концепций личности завершается, а дальше начинаются их многочисленные различия.

Из приведенного примера с использованием общих системных идей в психологии вытекает, что представления общей теории систем, хотя и дают возможность более явно выделить характеристики исследуемых ими объектов (целостность, организация связей внутри системы, иерархии уровней управления системой и т.п.), недостаточно эффективно выполняют собственно методологическую функцию системного подхода - функцию поиска новых путей познания сложных целостных объектов и постановки новых проблем исследования. В связи с этим некоторые представители специальных дисциплин, в том числе и психологи, не видят особой необходимости в обращении к методологии системного подхода. Причина этого порой заключается в том, что системный подход подменяется общей теорией систем, которая, как правило, оставляет за занавесью своих разработок принципы развития и историзма и ограничивается уже достигнутым в специальных дисциплинах "моносистемным" видением действительности. Биологи знают, что человек - целостный организм; психологи знают, что личность - целостная система; социологи знают, что общество - это система. Иными словами, представители каждой из этих наук являются обладателями "моносистемного" видения своих объектов, т.е. видения их как автономных целостных систем. "...Моносистемное знание сфокусировано на познании предмета (явления) как системы... Это знание системцентрическое,

направленное в основном на раскрытие внутренних механизмов и законов явления.

В отличие от него полисистемное знание нацелено на раскрытие системности самого мира, т.е. изучение действительности как многосистемной, а отдельного предмета - как "элемента" многих разнопорядковых реальностей (систем) данной природной и общественной среды... Углубляя познание различных детерминант явления, полисистемное знание фактически расширяет представления о самом предмете за счет изучения макро- и микросистемных оснований, а также систем внешних взаимодействий"³. Именно использование полисистемного знания, рассматривающего человека как "элемент", который живет одновременно многими мирами - миром семьи, миром этноса, миром класса, миром природы и общества, - присуще системному подходу, опирающемуся на марксистскую философию. Такого рода системный подход прорывает границы специальных дисциплин и открывает новые возможности для развития современного человекознания, разработки представлений о закономерностях исторической эволюции человека в природе и обществе.

Человек и его место в различных системах

Облик целого комплекса наук, изучающих разные проявления человеческой жизни, меняется на глазах. "Робинзонада", господствовавшая долгое время в исследованиях человека и приведшая к антропоцентризму в понимании его природы, уступает свое место системно ориентированной методологии человекознания. Исходным положением, на которое опирается эта методология, является присущая марксистской философии идея о том, что ключ к пониманию природы человека лежит не в нем самом как некотором телесном объекте, а в тех различных системах, в которых осуществляется его жизнь. В естественных науках наиболее концентрированное выражение эта идея нашла в фундаментальных исследованиях В. И. Вернадского, который последовательно отстаивал представления о необходимости перехода от организменного уровня анализа биологических свойств человека к изучению человека в популяционно-видовом, биоценоотическом и биосферном типах организации жизни, а социальных качеств человека - в системе ноосферы, т.е. созданной деятельностью творческой мысли человечества сфере разума. Положение системного подхода об анализе природы человека в ходе развития различных систем и идеи В. И. Вернадского с трудом пробивают себе дорогу в сознании представителей разных дисциплин, встречая в виде препятствия взгляд на человека как на вполне автономный природный или социальный объект, как на вещь. Если человек рассматривается только через призму "моносистемного" видения действительности, то и в биологии, и в социологии, и в психологии он предстает как замкнутый мир, взаимодействующий с другими столь же независимыми мирами - средой, обществом, Вселенной. Вследствие антропоцентризма мышление в науках о человеке оказывается заселенным оппозициями: "организм - среда", "личность - общество", "биологическое - социальное" и т.п. Незамысловатая операция, продельваемая "птолемеевской" логикой, похожа на действие чудака, вырвавшего у себя самого глаз, чтобы разобраться в его устройстве, а затем, так и не узнав, для чего он нужен, пытающегося водворить его на место. Точно так же порой в психологии индивид изымается из биологического вида "человек", личность - из общества, индивидуальность - из человеческого рода, а затем после досконального перечня индивидуальных различий с точностью до сотысячного знака (и даже без анализа вопроса о происхождении этих различий) индивида пытаются приставить к виду, личность вернуть в общество, через индивидуальность залатать возникший разрыв между биологическим и социальным мирами.

В том случае, если человек в целом, его личность рассматриваются как "элементы" более широких порождающих их систем, то открывается возможность использования тех приемов и средств, которыми располагает методология системного подхода,

опирающегося на марксистскую философию и на достижения конкретно-научной методологии человекознания. Системная методология анализа развития человека включает положения о человеке как "элементе" различных систем (физических, биологических и социальных), в которых человеком проявляются и приобретаются присущие этим системам качества (1); об изучении эволюции и истории порождающих человека систем (2); об анализе целевой детерминации живых систем (3); о необходимости возникновения феномена личности и ее роли в развитии различных систем (4); о выделении таких системообразующих оснований, которые бы обеспечивали приобщение человека к миру природы и культуры, его саморазвитие (5).

Ответ на вопрос о человеке как "элементе" разных систем, о том, является ли человек физическим существом, биологическим существом или разумным существом, не может быть дан до тех пор, пока не указана система, в которой рассматривается человек, и задачи, для разрешения которых ставятся подобные вопросы.

В связи с этим попытки дать характеристику человека в психологии либо как организма, либо как индивида (биологического или социального), либо как личности без указания той системы, к которой он принадлежит, лишены смысла. Человек как "элемент" одновременно принадлежит к разным системам, взаимодействуя с которыми он проявляет или приобретает различные качества. В системном подходе классификация различных качеств - материально-объектных, функционально-системных, интегрально-системных - предложена В. П. Кузьминым; в психологии личности проблема приобретения человеком системных качеств была поставлена и исследована А. Н. Леонтьевым.

Изучение "человека в системе" с самого начала исходит из представления о неразрывной связи человека с этой системой, которое радикально отличается от исследования человека в разных противопоставленных диадах, самая распространенная из которых "человек - окружающая его среда". В таких диадах "человек", любой живой организм словно насильно вырывается из природы, оказывается стоящим над ней или вне ее. Тогда термин "окружающая среда" невольно приобретает особый смысл, смысл окружающих человека сил природы, которые готовятся напасть на "живой организм", вступить с ним в бой. Системное видение человека, любого живого организма, напротив, открывает закономерности развития и функционирования человека как "элемента", живущего жизнью всей системы.

Одной из самых широких систем, в которой осуществляется жизнь человека, является биосфера. О любой системе бессмысленно вести разговор, пока, во-первых, не выделено то системообразующее основание, которое объединяет входящие в нее элементы как относительно однородные, во-вторых, не указан характер связей между этими элементами и, наконец, не обозначена еще более широкая система, в которую входит данная конкретная система. Среди различных характеристик биосферы как системы, содержание этого фундаментально разработанного В. И. Вернадским биогеохимического понятия наиболее выпукло передается описанием биосферы как сферы, в которой развертываются биоэнергетические процессы и обмен веществ вследствие деятельности жизни (В. П. Алексеев). Биоэнергетические процессы и обмен веществ в ходе жизни - системообразующее основание биосферы как системы. Эта система в свою очередь входит в систему солнечной галактики и зависит во многом от изменений солнечной активности. Все эти рассуждения могут показаться надуманными абстракциями, игрой ума, которой на досуге занимались В. И. Вернадский, Н. И. Вавилов и ряд других исследователей. Подобные выводы по меньшей мере недалеозорки: "...вырывать человека и микроорганизмы из его естественной среды - окружающего мира со всеми его электрическими радиациями, потоками и полями - это значит впасть в грубейшую, непростительную ошибку и проповедовать мысли, ничего общего с тенденцией современной науки не имеющие.

...И человек, и микроб - существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частицами своих тел с космосом, с его

лучами, потоками и полями⁴.

"...Поток электронов и протонов, вылетающий из жерла солнечного пятна и пролетающий мимо Земли, вызывает огромные возмущения во всем физическом и органическом мире планеты: вспыхивают огни полярных сияний, Землю охватывают магнитные бури, резко увеличивается число внезапных смертей, эпидемий, случаев сумасшествия, эпилептических припадков, несчастных случаев вследствие шока в нервной системе и т.д."⁵ Эти строки основателя гелиобиологии А. Л. Чижевского, детально изучившего связь вспышек различных эпидемий в истории человечества с волнами солнечной активности, помогают увидеть общее природное качество различных элементов биосферной системы - микроорганизмов, растений, животных и человека. Таким качеством, особенно проявляющимся при изменениях солнечной активности, являются биоэнергетические процессы организмов, свойственные любым "элементам" биосферы как природным объектам. Нарушение равновесия в этих процессах, вызванное, в частности, изменениями солнечной активности, приводит к самым различным, порой трагичным земным последствиям (рис. 2). В повседневной жизни биоэнергетические качества человека дают знать о себе, выступая в жалобах на неважное самочувствие, тоску и даже депрессии, которые люди, смущаясь, связывают с перепадами погоды. В истории общества эти природно-предметные качества фетишизировались, жили в легендах о солнечных знамениях, астрологических воззрениях о влиянии созвездий на судьбы человечества. В русле гелиобиологии, опирающейся на концепцию В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, эти явления находят свое объяснение.

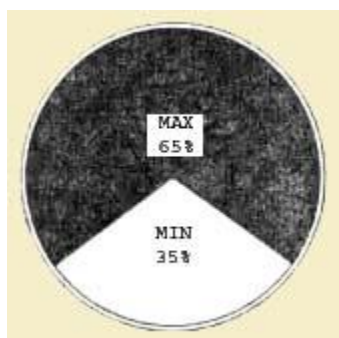

Рис. 1. Пример воздействия изменений солнечной активности на здоровье человека в системе биосферы: 65% чумных эпидемий падают на максимум в солнцедейтельности; 35% - падают на минимум в солнцедейтельности (по А. Л. Чижевскому, 1976)

Системное видение человека как биоэнергетического существа в биосфере приводит не только к рождению новых наук, но и к изменению "технологии" обращения с человеком. Если старые врачи говорили, что нужно лечить человека, а не болезнь, то гелиобиолог А. Л. Чижевский сделал еще один шаг на пути преодоления свойственного медицине организмоцентризма. Он мечтал перестроить "больничный мир" человека и создать для подверженных вредоносным влияниям космоса больных экранированные палаты, куда они должны были бы переводиться по первому сигналу астрофизика, следящего за активностью Солнца. Из этого примера проступает еще одна особенность системного видения человека, противоположная практике антропоцентризма: чтобы "вылечить" человека, необходимо преобразовать ту систему, которая приводит к возникновению "болезни", изменить мир человека.

Биоэнергетические качества человека, роднящие его с проявлениями любой другой жизни на земле, относятся к тем его природным качествам, которые становятся предметом исследования при изучении человека в системе биосферы. Они присущи самому "элементу" системы, являются его собственным качеством и как любые другие качества объекта открываются только во взаимодействиях в той или иной системе.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены и функционально-структурные качества человека в системах разных биологических популяций или "организма" - относительно самостоятельного "элемента" этих систем, обеспечивающего свое существование благодаря приспособлению к условиям жизни данных популяций. В общей биологии "организм" исследуется как целостная единица, ответственная за воспроизведение, дальнейшее продолжение жизни в системе биологических популяций. Функционально-структурные особенности "организма" проявляются в общности генетического кода, интеграции проявлений различных входящих в состав организма подсистем (эндокринной, гуморальной и т.п.).

В системе биологического вида *Homo sapiens* человек выступает как "индивид", целостное генотипическое образование, которое в ходе индивидуальной жизни реализует историю своего вида. Системообразующим основанием биологического вида "человек" является специфичный для этого вида образ жизнедеятельности. Функционально-структурные качества индивида, данные ему при рождении и приобретаемые в ходе его созревания, исследуются, например, биологией человека, генетикой человека и т.д. - словом, комплексом естественных наук, изучающих историю развития человека. Структурно-функциональные качества биологического индивида, доставшиеся ему в наследство, гибко пригнаны к условиям образа жизнедеятельности вида. Однако, как и биоэнергетические свойства человека, они уже присущи индивиду как "элементу" в системе вида, являются его собственными свойствами, неотделимы от него самого.

Человек как "элемент" в системе общества становится носителем совокупности социальных системных качеств, которые порождаются в ходе его жизнедеятельности в обществе. Социальные системные качества человека как "элемента" общества принципиально отличаются от его природных качеств. В социальной системе любые вещи, в том числе и сам человек, которых коснулась деятельность человечества, начинают вести двойную жизнь, подчиняться природным и общественно-историческим закономерностям. Феномен "второй природы" вещей в обществе был впервые раскрыт и проанализирован К. Марксом.

"Вторая природа" приобретает естественными объектами тогда, когда они производятся человеческим трудом, включаются в пространство общественных отношений. В процессе труда происходит "очеловечивание" природы: деревянный брусок может превратиться в "стул"; заостренная на одном конце прямая палка стать "копьем"; шкура леопарда - мягким "ковром" или теплой "одеждой". Стоит вырвать любой из этих природных объектов из системы общества, в котором они создаются, и их социальные системные качества "испаряются", прекращают свое существование. Секрет бытия социальных системных качеств любой вещи "очеловеченного" мира в том и состоит, что, будучи изъяты из системы мира человека, они исчезают. Их нет в самом природном объекте вне системы использования этого объекта в той или иной человеческой деятельности. Особенность любых системных социальных качеств объектов мира человека заключается в том, что они производятся в обществе, приобретают в нем, по выражению К. Маркса, "социальную душу".

"Очеловеченную" природу можно охарактеризовать выразительными строками Ф. Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

В мире человека, действительно, есть и любовь, и язык, и душа... Они не лежат на поверхности вещей или в самих вещах, а существуют в особом измерении - в скрытых от глаза системных социальных качествах предметов.

Среди системных качеств "очеловеченной" природы выделяются утилитарные функциональные качества предметов и интегральные сверхчувствительные системные

качества (В. П. Кузьмин). Утилитарные функциональные качества воплощаются в переделываемых человеком объектах природы. Так, изготавливая "стол", человек меняет форму дерева, и изменившийся природный материал приобретает функциональное социальное качество - "быть столом", полезной вещью для представителей данной культуры. Такого рода материализованные, изменившие форму и имеющие практическое назначение объекты являются носителями функциональных системных качеств.

В определенных ситуациях эти же самые объекты могут стать носителями интегральных системных качеств, которые утрачивают связь с природным материалом. Так, например, шляпа, обладающая вполне утилитарным функциональным качеством, неожиданно может превратиться в "знак", в "улику". Герой романа Ф. М. Достоевского Родион Раскольников внезапно осознает, что его шляпа - это "улика", тот "знак", по которому его могут найти и распознать как убийцу. В самом объекте, сколько бы в него ни вглядывались и ни исследовали, нет функционального качества "быть уликой". Объект приобрел системное интегральное качество в ситуации жизненной драмы, став "знаком" преступления. Такого рода качества и называют "сверхчувственными" системными качествами.

Сверхчувственными системными качествами обладает личность человека в системе общественных отношений. Поэтому-то пытаться понять природу личности исходя либо из биологической природы индивида, скрытой под поверхностью его кожи, либо из субъективных проявлений, замкнутых в круге сознания человека, столь же безнадежно и бесполезно, как искать природу стоимости денежных знаков в самой бумаге, на которой они отпечатаны⁶. Эту бумагу можно изучить под совершенным электронным микроскопом, подвергнуть тщательному химическому анализу и т.д. Какие бы процедуры ни использовались, разгадка природы стоимости не будет раскрыта, поскольку интегральное системное качество не принадлежит объекту как таковому, а обнаруживается в нем только в ходе его жизни в той или иной общественной системе. Такого рода системными качествами наделяется человек в различных подсистемах общества, в больших и малых социальных группах - семье, этнической общности или классе. В этом смысле сущность человека в общественной социальной системе лежит вне его как биологического индивида, и поэтому даже самые изощренные методы естественных наук не могут уловить разные социальные ипостаси личности.

Наряду со структурно-функциональным аспектом анализа системных качеств человека выделяют еще один аспект его изучения в системе общества - системно-исторический аспект. Этот аспект системных качеств отражает конкретно-историческую специфику общественных явлений. Так, например, во все исторические эпохи человек, становясь членом семьи, выполнял в ней некоторые общие задаваемые семьей как социальной подсистемой функции, однако конкретно-историческое содержание этих функций в разные эпохи менялось, приобретало свою специфику. Системно-исторический план анализа общественных явлений позволяет показать, что, развиваясь в конкретно-исторических условиях, различные "элементы" общественных систем, в том числе и "личность" в системе общественных отношений, преобразуют некоторые константно задаваемые системой функциональные качества, например социальные роли, раздвигают границы тех систем, в которые она входит.

Вопрос о существовании человека одновременно в различных социальных подсистемах общества, обладающих различными и порой взаимоисключающими целями, имеет значение для понимания объективных условий возникновения самосознания личности, а также для прогнозирования возможных конфликтов человека с другими людьми, социальными группами и самим собой. Социальные ожидания одних групп, административные предписания других создают объективные предпосылки для возникновения в личности многих "Я", спорящих друг с другом. Включенность личности в разные социальные группы и вызывает необходимость в ориентировке дополняющих или исключающих друг друга целей этих групп, в развитии самосознания личности как

функционального органа, обеспечивающего подобную ориентировку. Отсюда вопрос о выделении границ различных групп, своего рода зон возможных "конфликтов", зон "риска", в которых проходит жизнь личности, становится крайне важным и для экономиста, и для историка, и для социолога, и для психотерапевта. Наглядно условия возникновения конфликтов личности на стыке интересов социально-административной системы и интересов профессиональной группы описаны в романе А. Бека "Новое назначение". Один из экономистов, анализируя роман, замечает: "Административная система нуждается в работниках, изгнавших все личное, олицетворяющих собой только конкретный пост и соответствующую функцию. Это не личности, вернее, это личности, у которых должно остаться только то личное, что обеспечивает успешную работу Системы"⁷. Жизнь личности в административной системе превращает ее в исполнителя директив, в вещь, "винтик", наделенный лишь утилитарными системными качествами. Однако как бы ни была однородна система, каким бы жестким централизованным контролем она ни обладала, у личности даже в предписанных системой рамках остается право на выбор. Герой романа А. Бека - крупный руководитель Онисимов - ставит приказы системы, особенно идущие от Сталина, превыше всего, но тот же руководитель является не только служакой, но и профессионалом. И тут-то заложен потенциальный конфликт, возникший между героем романа как служакой административной системы и тем же самым героем как принадлежащим к группе профессионалов, компетентных специалистов. Этот конфликт прорывается в глубокой личностной драме, когда герой романа оказывается вынужденным внедрять заведомо абсурдную и никчемную техническую идею. Онисимов - типичный руководитель административной системы; он же - представитель определенной профессиональной группы. Граница между интересами административной системы и интересами профессиональной группы, в которые одновременно включена личность, - зона возможного конфликта, ставшая в конце концов причиной внутриличностного конфликта. Именно поэтому различные попытки классификации социальных общностей в социологии и социальной психологии (Г.М. Андреева, Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, Б.Ф. Поршнев), способствующие установлению границ тех групп, в которых разворачивается деятельность личности, и помогающие прогнозировать ее потенциальные конфликты, представляют практический интерес для психологии личности.

Выступая как "элемент" системы, личность вместе с тем является таким особым "элементом", который при определенных исторических обстоятельствах может вместить в себя систему и привести к ее изменению. Возникает парадокс, который относится к одному из парадоксов системного мышления (В.М. Садовский): "элемент в системе" и "система в элементе", "личность в системе общества" и "общество в системе личности". Детский взгляд на мир читающего книгу о вселенной героя повести В. Ф. Тендрякова "Весенние перевертыши" ухватывает самую суть этого парадокса: "В самом начале задавался простой вопрос: "Как велик мир?" И дальше говорилось о... толщине волоса... Толщина волоса в десять тысяч раз меньше вытянутой человеческой руки. Вытянутая рука в десять тысяч раз короче расстояния до гор на горизонте. Расстояние до горизонта только в тысячу с небольшим меньше диаметра Земли. А диаметр Земли опять же в десять тысяч раз меньше расстояния до Солнца... мир безжалостно разбухал. А Дюшка съеживался, становился все ничтожней - до ничего, до пустоты! ... вместе с родной Землей, со своим родным Солнцем..."⁸

После этого ошеломившего его ощущения, ощущения крупинки в бесконечной вселенной подросток задает другу вопрос, есть ли вообще он на свете. И тот просит его дотронуться до головы:

"...Голова как голова... Ты чего?"

- А того, что она по сравнению со звездами и галактиками мала. Не так ли?

- Сравнил тоже.

- А в нее вся вселенная поместилась - миллиарды звезд, миллиарды галактик. В

маленькую голову. Как же это?.. Выходит, что эта штука, которую ты на плечах носишь... - самое великое, что есть во вселенной. И в самом деле захотелось вдруг до зуда в руках пощупать свою великую голову, начиненную сейчас вселенной"⁹.

Личность Дюшки Чугунова, как бы она ни была мала по своим физическим размерам, вмещает в себя вселенную; человек как элемент системы может вмещать в себя саму систему. Этот парадокс системного мышления пока остается неразрешимым. Возможный выход из этой парадоксальной ситуации позволяет наметить заманчивая аналогия между личностью и микроскопической частицей, которую известный физик М. А. Марков назвал "фридмоном" в честь создателя космологической теории расширяющейся вселенной А. А. Фридмана.

Особенность фридмона заключается в том, что, несмотря на его микроскопически малые размеры, в нем могут свертываться и упаковываться целые галактики, большие миры упаковываются в малом мире. Миры во фридмонах, по предположению М. А. Маркова, должны обладать большим числом измерений, чем трехмерное пространство и одномерное время. Из гипотезы ученого вытекает, что в принципе могут существовать микроскопические элементы, вмещающие в себя целые системы¹⁰. По аналогии с гипотезой М. А. Маркова можно предположить, что в процессе развития личности происходит как бы свертывание пространства общественных отношений в пространство личности, своеобразная упаковка с изменением размерности большого мира в малом мире. Подобное предположение не только открывает возможность для разрешения парадокса системного мышления, но и позволяет по-иному взглянуть на ряд эффектов, возникающих при приобщении личности к общественно-историческому опыту человечества.

Человек как "элемент" входит в множество разнопорядковых физических, биологических и социальных систем. Этот аспект системного исследования человека выступает при его изучении в системно-структурном ракурсе. Системно-исторический план изучения человека открывает новые грани видения человека в разных системах и приводит к проблеме изучения его роли в эволюции систем, преобразовании природы и общества.

Основные положения историко-эволюционного подхода к пониманию личности

При изучении системных аспектов развития человека, его роли в эволюции расширяющихся систем представители системного подхода обращаются к тем закономерностям, которые выявлены на уровне конкретно-научной методологии науки - в истории, социологии, семиотике, эволюционной биологии. Причина обращения к этим внешне не связанным наукам заключается в том, что в них обнаружены общесистемные закономерности. Одна из функций общенаучного системного анализа как раз и состоит в том, что с его помощью из конкретных наук о природе и обществе вычленяются общие закономерности развития любых систем и тем самым перебрасывается мост, создается канал связи между разными науками о человеке. Реализация положения о необходимости изучения человека в процессе эволюции порождающей его системы предполагает, чтобы исследователь не просто говорил о развитии, а каждый раз ставил вопрос об эволюционном смысле возникновения того или иного феномена в порождающей его системе. Например, каков эволюционный смысл появления новых видов в биологической эволюции или разных этнических групп (племен, наций) в истории человечества; в чем эволюционный смысл возникновения новых органов в филогенезе определенного вида или формирования неповторимого характера в индивидуальном жизненном пути личности? Изучение закономерностей развития систем (биологических и социальных), механики развития будет неполным до тех пор, пока не раскрыт тот эволюционный смысл, для обеспечения которого осуществляется вся механика развития, например,

функционируют механизмы естественного отбора (Н.А. Бернштейн, Н.И. Вавилов, А.Н. Северцов, И. И. Шмальгаузен, С.Н. Давиденков).

Системный анализ развития тем самым исходит из положений о необходимости изучения феномена человека в процессе эволюции порождающей его системы и об изучении целевой детерминации развивающейся системы, предполагающей освещение вопроса "для чего?" возникает явление, наряду с характерными для традиционного естествознания вопросами: "как происходит явление?" и "почему оно происходит?" (Н.А. Бернштейн).

В русле психологии необходимость изучения развития человека с опорой на закономерности историко-эволюционного процесса в природе и обществе неоднократно отмечалась такими исследователями, как Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и Д.Н. Узнадзе. В физиологии высшей нервной деятельности проблема системогенеза целостного человеческого организма была разработана автором теории функциональных систем П.К. Анохиным. Оригинальные взгляды на закономерности развития личности в социальной группе с позиций традиционной теории эволюции сформулированы американским психологом Т. Кэмпбеллом.

В системном подходе к изучению развития человека все более концентрируется внимание на общих закономерностях эволюционного процесса, открытых в советской научной школе эволюционной биологии А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена. Вследствие этого поднимаются вопросы о критериях прогресса живых и технических саморегулирующихся систем (К.М. Завадский, В.И. Варшавский, Д.А. Поспелов), эволюционных закономерностях антропосоциогенеза и этнических общностей (В.П. Алексеев, Ю.В. Бромлей, Г.П. Григорьев), общих механизмах эволюции культуры (Э.С. Маркарян). Важным этапом на пути изучения общих закономерностей коэволюции - гармоничного взаимообусловленного развития природы и общества - стали исследования последователя В. И. Вернадского Н. Н. Моисеева, обобщенные в его труде "Алгоритмы развития" (1987).

Выдающимся достижением классика эволюционной биологии А.Н. Северцова является разработка учения о существовании двух различных типов прогресса в эволюции - биологического и морфофизиологического. Биологический прогресс заключается в изменении образа жизни и положения вида животных в биосфере; морфофизиологический прогресс - в изменении строения и функций тела животных. За этим разведением двух типов прогресса стоят изменение мышления исследователей об эволюционном процессе, переход от организмо-центрического изучения развития к системному видению закономерностей эволюционного процесса.

Обоснованно критикуя вульгарный перенос эволюционных биологических закономерностей на историю развития общества, порой не замечают принципиального открытия А.Н. Северцова, допустившего возможность относительно независимой эволюции образа жизни, являющегося системообразующим основанием развития вида, от морфофизиологической эволюции организмов, доминирующей в органическом мире. Образ жизни определяет положение вида в системе биосферы. От образа жизни вида зависит, пойдет ли эволюция по пути ароморфоза, идиоадаптации или регресса. Под ароморфозами А.Н. Северцов понимал прогрессивную эволюцию образа жизни, приводящую к появлению у вида новых качеств, которые повышают уровень жизнедеятельности вида, расширяют его приспособительные возможности и могут оказаться полезны при критических изменениях среды обитания живых существ. Представление об ароморфозе А.Н. Северцова сходно с идеей Н. И. Вавилова о возникновении в ходе эволюции преадаптации - тех или иных полезных признаков в эволюционирующей системе, еще до того, как они стали для этой системы действительно полезны. От ароморфоза А.Н. Северцов отличал идиоадаптацию, т.е. адаптацию в узком смысле слова, как специализацию вида, обеспечивающую наилучшую приспособленность

к типичным условиям его существования. Если эволюция идет в направлении идиоадаптации, частных приспособлений, то образ жизни вида качественно не изменяется, остается на той же высоте. Ароморфоз же может привести к новому образу жизни вида, т.е. повлечь за собой смену системообразующего основания, определяющего основные характеристики данного вида¹¹.

На уровне методологии системного подхода описанные А.Н. Северцовым закономерности прогресса эволюции были обобщены и развиты в исследованиях К. М. Завадского, а также В. И. Варшавского и Д. А. Поспелова. В этих работах, придавших идеям А.Н. Северцова более универсальное звучание, подчеркивается, что возникновение и прогрессивное развитие любой эволюционирующей системы обеспечивается благодаря процессам ее интеграции и дифференциации - синтезогенеза и сегрегациогенеза (К. М. Завадский).

По Завадскому, объединение элементов в единое целое, т.е. рождение систем, не предпосылка системного исследования, а факт, нуждающийся в объяснении. В эволюции формы, ведущие изолированный образ жизни, были потеснены многочисленными формами с групповым образом жизни, которые в ходе развития осваивали одну экологическую нишу за другой. Тем самым весь ход эволюционного процесса как бы осуществил экспериментальную проверку преимуществ, объединенных в группу, в системы образа жизни по сравнению с изолированными формами жизни. Вместе с тем эта победа приводит к постановке вопросов: в чем эволюционный смысл процесса синтезогенеза - объединения в системы отдельных элементов, какого рода сообщества могут считаться системами, обеспечивающими дальнейшее развитие вида?

Синтезогенез представляет такое объединение разрозненных элементов в систему, в множество, которое открывает возможность решения задач, ранее не доступных ни одному из составивших систему элементов. Так, муравьи из разных муравейников, смешавшиеся между собой на лугу, полностью автономны по отношению друг к другу. Они не "синтезогенезное" образование, а скопление однородных элементов. В чем же состоит отличие скоплений однородных элементов от различных систем, ведущих групповой образ жизни? "...В самом общем виде можно сказать, что некоторая совокупность элементов является единой системой, если эти элементы обладают потенциальным свойством образовывать статические или динамические структуры, необходимые для "выживания" элементов и всей их совокупности, т.е. обладают свойством взаимодействовать друг с другом для достижения локальных и глобальных целей...

...Когда речь идет о биологических совокупностях, то в реальных ситуациях эти свойства проявляются частично, а остальные - ждут своего часа. Хорошо известны, например, опыты с некоторыми бактериями, которые всегда обитали в средах, где отсутствуют определенные виды углеводов. При искусственной пересадке их в среды, где эти непривычные углеводы были единственной доступной для бактерий пищей, они начали вырабатывать фермент для их расщепления. Возможность этого была заложена в их генную структуру "на всякий случай" и реализовалась именно тогда, когда в этом возникла необходимость...

Таким образом, синтезогенез - это путь увеличения числа потенциально возможных свойств, которые могут пригодиться системе при встрече с непредвиденными ситуациями¹².

Синтезогенез объясняет то, для чего элементы в ходе развития объединяются в единую систему. Вследствие синтезогенеза формируются системы, обеспечивающие адаптацию к более широкому кругу ситуаций за счет того, что их элементы приобрели новые свойства - возможности взаимодействовать друг с другом для достижения различных целей, а также особый резерв, запас которого может быть использован в непредвиденных обстоятельствах. Наряду с синтезогенезом, приводящим к возникновению объединений, решающих широкие классы задач, в эволюции также идет

процесс вычленения подсистем, входящих в системы, т.е. процесс дифференциации систем. Появляются подсистемы - узкие специалисты, обладающие возможностью делать одно и только одно дело, но зато делать его с самой высокой степенью эффективности. Этот путь развития систем, ведущий к специализации, К.М. Завадский охарактеризовал как сегрегациогенез. В эволюции биологических, технических и социальных систем существует множество проявлений сегрегациогенеза как прогрессивного пути развития, обеспечивающего оптимальные возможности для системы решать типовые ранее встречавшиеся задачи. Вместе с тем специализация тех или иных подсистем, их жесткая пригнанность к одному классу задач, если сегрегациогенез не сочетается с синтезогенезом, становится тупиковым путем эволюционирующей системы, затрудняет ее существование при встречах с непредвиденными ситуациями. Подчиняясь принципу полезности, решению задач только текущего момента, система, идущая по направлению сегрегациогенеза, утрачивает преимущества, которые были достигнуты посредством объединения элементов в группу, возможности к взаимодействию при достижении разных целей и распадается. Ф. М. Достоевский вместе со своим героем Иваном Карамазовым иронизирует по поводу "сверхспециализации": "Заболи у тебя нос, тебя шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он смотрит нос: я Вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там Вам особый специалист левую ноздрю долечит. Что будешь делать? Прибегнул к народным средствам"¹³.

Эволюционирующая система должна найти своего рода компромисс между сверхспециализацией, которая может повлечь за собой утилитарный путь сегрегациогенеза, и универсализацией, "народными средствами", пригодными на все случаи жизни.

Из теории А.Н. Северцова об изменениях образа жизни как основе прогресса, представлений о синтезогенезе и сегрегациогенезе эволюционирующих систем вытекает, что именно в системе "элемент" приобретает возможности для вариативности, проявления индивидуальной изменчивости. Индивидуальные особенности активного "элемента", сколь бы отличными, самобытными они не казались, в самой своей основе имеют системное происхождение, самим фактом своего существования обязаны системе. В свете описанных выше положений представляется необоснованным противопоставление "элемента" - "системе", "вариативности индивида" - "виду", "индивидуальности личности" - "обществу".

Эти противопоставления являются следствием "моносистемного" видения человека, пытающегося решить вопрос о том, "для чего" возникает личность, в чем необходимость возникновения феномена личности в естественноисторическом процессе развития общества, замыкаясь в пространстве организма. Если пытаться отвечать на этот вопрос с позиций традиционной психологии, исследующей отдельного субъекта, его познавательную, мотивационно-эмоциональную и волевую сферы, то оказывается, что личность - высшая интегрирующая инстанция, управляющая психическими процессами, "хозяин" психических функций (В. Джемс) и т.п. В результате личность предстает в традиционной психологии как поставленная где-то "над" психическими процессами, а главное ее предназначение заключается в том, чтобы собрать эти процессы в единый пучок психических функций и придать им определенную направленность. Такого рода решение вопроса о природе личности помещает личность как вне психики, так и вне общества.

Подобное пренебрежение вопросом о смысле возникновения феномена личности в эволюции было оправданным в том случае, если бы факты возникновения личности, индивидуальных различий между людьми и закономерности эволюционного процесса развития человеческого вида были совершенно не связаны между собой.

Но являются ли проявления вариативности в онтогенезе любого биологического организма и эволюция его вида двумя независимыми рядами? Вполне определенный и

отрицательный ответ на этот лобовой и наивный для каждого эволюциониста вопрос дает отечественный психолог В. А. Вагнер.

На основе анализа соотношения индивидуальных и видовых психических способностей и прежде всего индивидуальной и видовой одаренности у разных биологических видов В. А. Вагнер обнаруживает закономерность: чем выше развито то или иное сообщество, тем больше вариативность проявлений входящих, в это сообщество особей. Так, колебания индивидуальных различий в одаренности у низших животных, ведущих одиночный образ жизни, очень незначительны: "У животных, ведущих стадовожаческую жизнь, в которой опасности, угрожающие составляющим стадо особям, легче предупреждаются, чем в условиях одиночного образа жизни, роль естественного отбора становится менее суровой, и незначительные уклонения уже им не устраняются. В результате получаются уклонения от типа видовой одаренности. Как бы ни были они незначительны, их наличие представляет собой явление огромного принципиального значения: мы здесь впервые встречаемся с явлениями не видовой, а индивидуальной одаренности. В неволе, где жизнь животных под покровительством человека обеспечена еще более, а роль естественного отбора ослаблена, уклонения психических способностей могут быть еще б?льшими, чем это наблюдается в стаде¹⁴.

Далее В.А. Вагнер, сопоставляя колебания в индивидуальной одаренности с изменением усложнения сообществ разных видов в процессе эволюции, показывает, что эти колебания все возрастают, достигая апогея в человеческом обществе. Из этих наблюдений вытекает факт наличия взаимосвязи между вариативностью психических способностей индивида и эволюцией вида и тем самым более явно выступает роль вариативности индивида в расширении эволюционирующих систем.

Обрисованная В. А. Вагнером картина возрастания индивидуальной одаренности с усложнением сообществ в процессе эволюции является яркой иллюстрацией идеи о том, что в ходе синтезогенеза систем и именно вследствие синтезогенеза на разных уровнях эволюции растет вариативность "элементов", входящих в расширяющиеся системы. Отсюда становится очевидным, что изучение проявлений субъекта как активного "элемента" развивающихся систем (Л. И. Анцыферова) предполагает выделение принципов, описывающих системные аспекты развития человека в природе и обществе.

* * *

Принцип 1. Эволюция любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем.

Так, в биологических системах наследственность выражает общую тенденцию эволюционирующей системы к ее сохранению, к передаче без искажений информации из поколения в поколение, а изменчивость проявляется в приспособлении различных видов к среде обитания. Ф. Энгельс характеризует наследственность как консервативную, положительную, а приспособление, тенденцию к изменению системы - как революционизирующую, отрицательную сторону процесса развития¹⁵. В социальных системах тенденция к сохранению проявляется в социальном наследовании, в преемственности таких типичных форм культуры и социальной организации, которые обеспечивают адаптацию данной системы к тем или иным уже встречавшимся в ходе ее эволюции ситуациям.

Изменчивость же выступает в различных нестандартных, нестереотипизированных приспособлениях системы к непредсказуемым переменам ситуации, в поиске новой информации о среде существования и в построении целесообразного поведения в ней. Индивидуальная изменчивость тех или иных элементов системы представляет собой условие для исторической изменчивости системы в целом. Идея об индивидуальной изменчивости элементов системы как основе исторической изменчивости популяций, в

наиболее явной форме высказанная в биологии И. И. Шмальгаузенем, отражает универсальную закономерность развития любых систем. В качестве элементов, несущих индивидуальную изменчивость, могут выступить индивид - в системе биологического вида; член племени - в системе этнической общности; представитель класса - в системе общественно-экономической формации; последователь научной школы - в системе профессионального научного сообщества и т.п. Человек, включаясь в каждую из этих систем, наследует типичные для них системные качества (В.П. Кузьмин) и одновременно выступает как носитель исторической изменчивости этих систем в целом. Типичные родовые системные качества человека, выражающие тенденцию эволюционирующей системы к сохранению, стоят за различными проявлениями активности субъекта - стереотипами поведения, репродуктивным мышлением, привычками, установками, - характеризуемыми в психологии как адаптивные; вариативные, уникальные качества человека, выражающие тенденцию к изменению, возникают в синтезогенезе и проявляются в многообразных формах активности субъекта, например творчестве, воображении, самореализации личности, описываемых как продуктивные типы активности. Эволюционный смысл адаптивных типов активности не сводится к поддержанию равновесия со средой, гомеостаза, выживания. Главным критерием адаптации является не только и не столько фактическое выживание индивида в данной конкретной среде, сколько обеспечение преемственности существования индивида - его жизни в ряду будущих поколений (И.И. Шмальгаузен).

Обобщенную характеристику механизмов развития систем в процессе эволюции предлагает Н.Н. Моисеев. Наряду с адаптационными механизмами, обеспечивающими устойчивость развивающейся системы в конкретных условиях среды, он выделяет особые бифуркационные механизмы (bifurcation - разветвление или раздвоение). Механизмы бифуркации, обеспечивающие тенденцию к изменениям развивающейся системы, приходят в действие, когда возникают резкие изменения среды, кризисы в жизни системы. Одна из наиболее существенных характеристик развития систем, обеспечиваемых адаптационными механизмами, - это предсказуемость, прогнозируемость будущего поведения и развития этих систем. В отличие от механизмов адаптационного типа развития механизмы бифуркационного типа характеризует неопределенность будущего системы, невозможность предсказать, по какому пути после того или иного кризиса пойдет дальнейшее развитие системы, какой новый вариант эволюции будет выбран. Поведение системы, после того как начал действовать механизм бифуркации, в принципе невозможно вывести из прошлого (из наследственности, из генов, прошлого опыта и т.п.). Развивающий сходные взгляды на эволюцию системы в природе к обществу бельгийский физик И. Пригожий отмечает, что в условиях неустойчивости, неравновесия в переломный момент жизни системы нельзя предсказать ее будущее, так как любое в обычных условиях незначительное событие или действие может заставить всю систему измениться и история пойдет по новому, иному пути¹⁶. Механизмы адаптации, функционирующие в социальных системах, связаны с обеспечением устойчивости личности, ее типичного предсказуемого поведения в социальной группе. Механизмы бифуркации присущи индивидуальному поведению личности в различных проблемно-конфликтных ситуациях. В тех случаях, когда в обществе наступает переломный момент, незначительные в обычных условиях поступки индивидуальности могут вызвать преобразование общества, стать толчком к возникновению непредсказуемой новой фазы в развитии культуры.

При описании системно-функциональных родовых качеств человека, проявляющихся в стереотипизированных адаптивных формах поведения, их характеризуют как социотипические проявления личности в социальной системе. При характеристике системно-интегральных качеств человека, проявляемых им в непредсказуемых ситуациях, которые не удастся преобразовать на основе стереотипизированного поведения, употребляют понятие "индивидуальность личности".

Введение этого разграничения позволяет отразить существующие в единстве тенденции к сохранению и изменению, присущие жизнедеятельности человека как "элемента" различных развивающихся систем. Благодаря указанному пониманию терминов "личность как тип" и "личность как индивидуальность" также удастся связать социотипические проявления человека с реализацией родовой типичной социально-унаследованной программы данной социальной общности и одновременно выделить неповторимые проявления человека, обеспечивающие в конечном итоге историческую изменчивость этой общности. И, самое главное, данное разграничение помогает передать эволюционный смысл индивидуальности личности: за проявлениями индивидуальности выступают потенциальные возможности бесконечных линий творческого эволюционного процесса жизни. Анализ природы индивидуальности, ее функционального значения в эволюционном процессе приводит к выделению принципов системного историко-эволюционного подхода к человеку, касающихся вопросов о саморазвитии различных систем и о соотношении родовой адаптивной стратегии развития этих систем с неадаптивной стратегией развития их элементов, несущих индивидуальную изменчивость.

Принцип 2. В любой эволюционирующей системе функционируют избыточные неадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля и обеспечивающие саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий ее существования.

В эволюционирующих системах возникают и проявляются различные виды активности включенных в эти системы "элементов", которые непосредственно не приводят к адаптивным прагматическим эффектам, удовлетворяющим нужды данных систем и обеспечивающим их сохранение, устойчивость.

Ярким примером проявления филогенетических зачатков возникновения неадаптивной активности в биологических системах являются игры животных. Различные биологи и этологи словно соревнуются между собой, стремясь предлагаемыми характеристиками игры подчеркнуть ненужность этого вида поведения животных для биологической адаптации. Игровое поведение животных называют "избыточным", "мнимым", "действиями вхолостую", "вакуумной активностью" и т.п. И действительно, игровая активность не влечет за собой прямого адаптивного эффекта. Но именно в силу этой особенности игровой активности в ней оттачиваются унаследованные формы поведения, до того, как они предстанут перед судом естественного отбора (К. Э. Фабри). Таким образом, сама игра создает наибольшие возможности для неограниченного проявления индивидуальной изменчивости организма, а тем самым накопления опыта действия при переменах условий существования данного биологического вида.

Введение представлений о неадаптивной неутилитарной активности помогает пролить свет и на такой сложный вопрос, как проблема изменения образа жизни, приведшая к переходу от образа жизни животных к качественно иному образу жизни - образу жизни *Homo sapiens*. На основе тщательного анализа антропологического и археологического материала известный советский археолог Г. П. Григорьев приходит к выводу, что по так называемому "орудийному критерию" представляется затруднительным провести резкую линию водораздела между видом *Homo sapiens* и другими ветвями рода *Homo*. Из этих фактов следует, что одновременно с человеком были существа, которые обладали прямохождением, крупным мозгом, развитой морфологией обеих конечностей и, главное, добывали себе пищу при помощи орудий из камня, кости и дерева. "...Объяснение наблюдаемым фактам можно найти в учении А.Н. Северцова об ароморфозе. Этот крупнейший специалист в области эволюции полагал, что изменения организмов, хотя и представляют собой приспособление к внешней среде, тем не менее никогда не являются точным ответом на заказ природы. Эволюция происходит скачкообразно, и при этом во вновь возникшей форме есть некий запас способностей, не реализуемых непосредственно, как бы ненужных виду в данный момент, но полезных для чего в дальнейшем. У вида оказываются скрытые возможности, которыми он сумеет

воспользоваться только в процессе своего длительного существования, но не сразу же по возникновении. Вид, таким образом, может приспосабливаться, изменять формы поведения, не меняя морфологии своих органов. Это "прыганье на ступеньку с запасом и приводит к тому, что процесс эволюции приобретает прерывистый характер"¹⁷. Решение вопроса о причинах возникновения человека в антропогенезе, отличиях образа жизни человека от образа жизни животных связывается тем самым с поиском неадаптивных избыточных форм поведения, существующих наряду с деятельностью изготовления и употребления орудий.

Уникальный материал для понимания эволюционного смысла неадаптивной активности в истории разных культур приводится в классических трудах М. М. Бахтина о карнавальной культуре, исследованиях Д. С. Лихачева смеховой культуры Древней Руси и цикле работ Ю. М. Лотмана по типологии культуры. В этих исследованиях выступают две черты неадаптивных карнавальных или смеховых социальных действий: а) смеховые социальные действия, поступки шута или юродивого дозволены в эволюционирующей системе данной культуры и относительно независимы от социального контроля, корригирующего отклонения от свойственных этой культуре социальных нормативов; б) в смеховых социальных действиях подвергаются сомнению социально унаследованные типичные для данной культуры формы отношений и осуществляется поиск иных вариантов развития культуры, строится иная желаемая действительность. Смеховые социальные действия позволяли в рамках средневековой культуры одновременно практиковать поведение, квалифицируемое и как грешное, недозволенное, и как дозволенное (Ю. М. Лотман). Различная природа и эволюционный смысл адаптивных и неадаптивных социальных действий в развивающейся культуре средневековья наглядно выступают в сопоставлении официального праздника и карнавала, проводимом М. М. Бахтиным: "Официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящая существующий в настоящем строй. Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка, существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов. Праздник был торжеством уже готовой победившей господствующей правды, которая выступала как вечная, неизменная и непрекаемая правда...

В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечиванию, завершению и концу. Он смотрел в незавершимое будущее"¹⁸. Впоследствии эти идеи М.М. Бахтина были включены в контекст семиотической концепции культуры Ю.М. Лотмана, специально подчеркнувшего, что каждая культура как саморазвивающаяся система должна быть оснащена "механизмами для выработки неопределенности". Благодаря внесению неопределенности в строго детерминированную систему культуры, данная культура приобретает необходимый резерв внутренней вариативности, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях тех или иных социальных кризисов (Ю. М. Лотман). Если взглянуть через призму этих представлений на социальные карнавальные и смеховые действия, поступки шутов и "ведьм", деяния еретиков, феномен странных "лишних людей", то оказывается, что подобного рода неадаптивные, кажущиеся избыточными для адаптивного функционирования социальной общности акты - обязательное условие исторической изменчивости этой общности, его эволюции. Так, смеховые социальные действия словно заботятся о том, чтобы культура не зашла в своем развитии в тупик, не достигла состояния равновесия, равносильного неподвижности и смерти. Они создают неустойчивый нелепый мир "спутанной знаковой системы", в котором царят небылицы, небывальщина, а герои совершают неожиданные поступки. Раскрывая историко-

культурный эволюционный смысл феномена "дурака", Д.С. Лихачев замечает: "Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм... - разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся"¹⁹.

Деяния еретиков, как и социальные смеховые действия шутов, также вносят неопределенность в культуру, лишают ее устойчивости и тем самым дают прорваться тенденции к изменению социальной общности. Но в отличие от смеховых социальных действий эти деяния подпадают под элиминирующее влияние социального контроля. Предлагаемые ими варианты эволюции культуры не вписываются в социальную систему, а поэтому пресекаются или рационализируются ею. При рационализации деяний "лишних людей" эти деяния часто стремятся отнести к разряду социальных смеховых действий, охарактеризовать их как "ненастоящие", шутовские, а следовательно, дозволенные. Так, посягнувший на права и гарантии образованного дворянства Павел I, который попытался внести изменение в существующую систему правления, объявляется "безумным", шутом на троне. Рационализация дворянским обществом поведения Павла I как "безумного", "странного", "исключительного" позволяет этой социальной группе освятить незыблемость самодержавного правления как такового. Точно так же дворянством объявляются "безумными" поступки П. Я. Чаадаева (прототип Чацкого), подвергнувшего критике официально существующую систему правления. При всем глубочайшем социальном различии действий Павла I и П. Я. Чаадаева они направлены против устоявшегося социального правопорядка и рационализируются дворянским обществом как "ненастоящие", "шутовские". При этом для этой социальной группы безразлично, что за феноменом "лишнего человека" (Павла I) как индивидуальности проступает тенденция эволюционного процесса повернуть колесо истории вспять, к допетровским временам; а за феноменом "лишнего человека" Чаадаева как индивидуальности - зародыш новой линии развития культуры, предвестник будущих революционных преобразований. Эволюционное значение индивидуальности "лишнего человека" в том и состоит, что она несет такой вариант развития культуры, который в настоящий момент существования культуры не принимается, а в ряде случаев элиминируется.

Описанный круг проявлений неадаптивной активности личности как субъекта деятельности является необходимой ступенью саморазвития системы, увеличением возможностей ее эволюции.

Таким образом, на разных уровнях функционирования, человека как "элемента" развивающихся систем - на уровне человека как индивида в биологической популяции, на уровне личности как индивидуальности в социальной общности - проявляются неадаптивные, избыточные формы активности, которые выражают тенденцию к их изменению и тем самым выступают как необходимый момент эволюционного процесса данных систем. В переломные периоды жизни развивающихся систем (биологические катаклизмы, социальные кризисы) значение неадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и приоткрывает ее эволюционный смысл. Так, например, кажущиеся излишними неадаптивные действия Джордано Бруно, взошедшего ради своих убеждений на костер, выступают как цена за адаптацию развивающейся социальной общности в целом, ее прогресс. В этой связи ставится вопрос о судьбе неадаптивных актов и их результатов в процессе развития различных систем: могут ли акты, несущие тенденцию к изменению системы, из неадаптивных переродиться в адаптивные акты; при каких обстоятельствах в процессе эволюции происходят подобного рода изменения функционального значения акта в развитии систем?

Принцип 3. Необходимым условием развития различного рода систем является наличие противоречия (конфликта или гармонического взаимодействия) между адаптивными формами активности, направленными на реализацию родовой программы, и проявлениями активности элементов, несущих индивидуальную

ИЗМЕНЧИВОСТЬ.

Из этого принципа системного историко-эволюционного подхода к изучению человека как активного "элемента" разных систем вытекают следующие взаимодополняющие положения: А. Противоречие между мотивами деятельности индивидуальности, проявляющееся в виде конфликта или гармонического взаимодействия с идеалами и нормами социальной общности, может быть разрешено посредством либо поступков и действий, преобразующих родовую программу социальной общности, либо различных перестроек мотивов индивидуальности в процессе взаимодействия с социальной общностью. В том случае, если противоречие носит характер гармонического взаимодействия, поступки и действия индивидуальности способствуют дальнейшему прогрессу социальной общности. Если же противоречие выступает в виде конфликта, то активность индивидуальности может повлечь за собой перестройку родовой программы данной общности, привести к иному направлению эволюционного процесса этой системы.

Б. Отстаивание индивидуальностью своих мотивов и ценностей осуществляется как происходящая в процессе деятельности самореализация, которая приводит к дальнейшему развитию данной культуры или порождению в ходе преобразования действительности форм и продуктов новой культуры.

В. Неадаптивная активность индивидуальности перерождается в адаптивную активность по отношению к данной общности тогда, когда созданные этой активностью в процессе самореализации нормы и ценности становятся нормами и ценностями соответствующей культуры. При этом активность индивидуальности перестает нести функцию к изменению данной системы и начинает выполнять функцию ее сохранения, стабилизации. Например, деяния исторических личностей, провозглашающих новую веру, вначале порой подвергаются гонениями, так как они вносят смуту, неопределенность в культуру своего времени. Однако в дальнейшем, в случае победы их веры, их варианта эволюции культуры, эти деяния возводятся в ранг эталонов, превращаются в стереотипы. В результате они становятся носителями функции к сохранению системы, начиная элиминировать или рационализировать проявления активности других индивидуальностей как выразителей иных линий эволюционного процесса.

Идея о гармонии противоположностей как движущей силы развития личности привлекалась Л. И. Анцыферовой для объяснения некоторых форм взаимодействия (или содействия) между различными компонентами психологической организации личности как самостоятельной системы. Например, гармонического противоречия между желаемым и достигнутым и т.п. В системном историко-эволюционном подходе к индивидуальности личности речь идет о гармоническом взаимодействии, возникающем в результате несовпадения между "только известными" идеалами и ценностями группы и идеалами, которые стали подлинными мотивами для члена этой группы. Побуждаемая значимыми ценностями индивидуальность борется за то, чтобы они не только внешне признавались группой, но и реально побуждали совместную деятельность данной группы. Отстаивая эти ценности, индивидуальность как бы подталкивает, группу к более быстрому продвижению по принимаемому пути эволюции, задает зону ближайшего развития, Порой людям, проявляющим активность, выходящую за пределы утилитарной деятельности, говорят: "Ну что, вам больше всех надо?" Благодаря изменениям, вносимым вследствие неутилитарной активности в родовую программу социальной общности, эта программа эволюционирования претворяется в жизнь.

Поступки индивидуальности личности часто не вписываются в канонический образ "разумного человека", совершающего рациональные действия. В истории культуры наряду с образом "разумного человека" выкристаллизовался своего рода эталон "индивидуальности", черты которого в явном виде переданы в мифах и фольклоре разных народов о своих культурных героях и их близнецах, "шутовских дублерах" (Е. М. Мелетинский). К числу таких шутовских дублеров относятся мифологические плуты, или трикстеры. В. Н. Топоров на материале анализа образа трикстера в сибирском фольклоре

раскрывает роль индивидуального поведения мифологического плута в разрешении противоречий поведения социальной группы.

Первая особенность индивидуальности, характерная для поведения трикстера, заключается в постановке сверхцелей, т.е. целей, выходящих за пределы таких целей социальной группы, для достижения которых группа выработала стандартные типовые действия. Особый характер целеобразования индивидуальности личности, ухваченный в фольклорном образе трикстера, и приводит к другим чертам его социального портрета - готовности освоить неожиданный тип поведения, отклонению от принятых норм и даже их нарушению, немотивированности поступков с точки зрения здравого смысла, возможности менять свой облик и свободно перемещаться во времени и пространстве, бескорыстности действий.

"Человек трикстерной природы ... и трикстер - ... всегда ищут свой единственный шанс на небезопасных путях, а ими, как правило, оказываются такие пути, которые расцениваются коллективным сознанием (во всяком случае, при первом взгляде) как неправильные, неэффективные, заведомо плохие. Собственно говоря, так оно и есть, если учесть, что главная цель коллектива - установка не на максимум, а на гарантию сохранности, часто предполагающей именно стабильность, неизменность, верность апробированным образцам.

В формуле "пан или пропал" для коллектива самое важное не пропустить. Но есть класс экстремальных ситуаций (кстати, имеющих прямое отношение к коллективу в целом), когда единственный шанс на спасение отдать себя выбору между "пан" и "пропал", полным успехом или полным поражением, во вступлении на путь риска... Отдача себя этой рискованной ситуации выбора есть не что иное, как поиск некоего скрытого резерва, но не за счет стандартных решений или даже магии, чуда... а за счет соответствующей критической ситуации поведенческой реакции на внешний стимул. Готовность и умение усвоить особый тип поведения определяет активный полюс деятельности трикстера..."²⁰. Среди характеристик "мифологических плутов" и культурных героев, будь то художественные образы Дон Кихота или Ходжи Насреддина, или же реальное описание странствующих в начале средних веков бродячих поэтов "вагантов", весьма существенной чертой является их неприкованность к тому или иному социальному слою, их подвижность, мобильность в культуре. Они не просто перемещаются в географическом пространстве, а совершают путешествия в социальном пространстве своего времени, разрушая сословные перегородки, устойчивый, подчиняющийся жесткому социальному контролю распорядок жизни. Эти социальные кочевники тем и вносят неопределенность, возмущая спокойствие, что, будучи лишены социальной оседлости, они выскальзывают из-под влияния того или иного централизованного управления обществом, выпадают из рациональной картины мира в целом.

Вместе с тем культурные герои или трикстеры, ориентированные на исключительные и непредсказуемые решения, помогают "не пропустить" социальной общности, когда в истории общества возникают ситуации, требующие парадоксальных решений. Трикстер русского фольклора Иванушка-дурачок только тогда перестает быть дурачком, когда лягушка перевоплощается в Марию-царевну. В таких ситуациях проявляется присущая ему ориентация на парадоксальные решения, и из таких ситуаций он выходит уже для всего честного народа добрым молодцем. Иногда индивидуальное поведение шутов, или трикстеров обозначают исключительно как противоположное принятому поведению, как антинорму или антикультуру. Такая деструктивная разрушительная характеристика образов "шута", или "трикстера" страдает ограниченностью. В. Н. Топоров справедливо отмечает, что трикстер в критической ситуации отыскивает небезопасные пути выхода из нее, иные пути для развития социальной группы, а не просто автоматически меняет принятые нормы на непринятые в культуре поведения. Иванушка-дурачок побеждает, находя парадоксальные выходы из

безвыходных ситуаций, и после становится народным героем.

Всеми этими чертами обладают образы "трикстеров" и культурных героев в мифах, в фольклоре разных культур. В реальной жизни в каждой личности обитает трикстер или культурный герой, существование которого проявляется в ситуациях, требующих выбора и постановки сверхцелей, разрешения противоречий с социальной группой и самим собой, поиска нестандартных путей развития.

В естественноисторическом процессе развития социальных систем, прогрессе общества ценность проявлений личности как индивидуальности возрастает. Так, этнографами, например, показывается, что в традиционных архаических культурах преобладают социально-типические стереотипизированные формы поведения личности. В этих культурах мотивация поступков личности ограничивается ссылкой на законы предков - "так было раньше", а само поведение личности жестко регламентируется ритуалами. Основная функция ритуала в подобных культурах заключалась в том, что "ритуал стоял "на страже" традиции, выполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу - с другой. Исключительная важность подобной проверки объясняется тем, что для так называемых традиционных обществ цельность, неизменность и равновесие были заменой прогресса"²¹. Сколь разителен контраст этих обществ в исторической перспективе с тем кульминационным пунктом человеческой истории, в котором ценность индивидуальности личности, ее инициатива, творчество становятся неотъемлемым компонентом социального образа жизни человека.

Итак, коперниковское видение человека как активного "компонента" тех или иных систем в русле системного подхода приводит к постановке вопроса о необходимости возникновения феномена личности и его значении в естественноисторическом процессе развития общества. Эволюционный смысл индивидуальных проявлений человека в истории природы и общества состоит в том, что эти проявления, порождаясь в системе, обеспечивают ее существование и дальнейшее развитие.

* * *

Для того чтобы раскрыть конкретные механизмы развития и осуществления индивидуальности личности в системе общественных отношений, необходимо выделить системообразующие основания тех многочисленных подсистем, в которых происходит становление личности. Без выделения системообразующих оснований, позволяющих раскрыть динамику функционирования и развития систем и вообще характеризовать изучаемые явления именно как системы, методология системного подхода рискнет превратиться в игру словом "система".

В качестве системообразующего основания, обеспечивающего приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает целенаправленная совместная деятельность. Развитие и функционирование личности в деятельности является исходным пунктом ее анализа в русле конкретно-научной методологии деятельностного подхода в психологической науке.